

А.А. Кара-Мурза

КРИТИКА РЕВОЛЮЦИОННОГО СОЗНАНИЯ В РАБОТАХ СЕМЕНА ЛЮДВИГОВИЧА ФРАНКА (К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Кара-Мурза Алексей Алексеевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии российской истории. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: a-kara-murza@yandex.ru

В статье рассматривается эволюция общественно-политических взглядов крупнейшего русского философа XX в. Семена Людвиговича Франка (1877–1950). В юности Франк был увлечен радикальным социализмом в его марксистском варианте, и лишь уроки революции 1905–1907 гг. заставили его (как и многих других молодых интеллектуалов его поколения (Бердяев, Булгаков, Струве, Изгоев, Кистьяковский и др.)) перейти от марксизма и позитивизма к умеренному христианскому либерализму, а затем к либеральному консерватизму. Результатом этой эволюции стало членство Франка в Конституционно-демократической партии и участие в сборнике «Вехи». В статье подробно анализируются ключевые политико-философские работы С.Л. Франка, направленные на философское развенчание идеологии русской революционной интеллигенции: «Философские предпосылки деспотизма» (1907), «веховская» статья «Этика нигилизма» (1909), статья «De profundis» (из одноименного сборника «Из глубины», 1918), а также эмигрантская работа «По ту сторону правого и левого» (1930).

Ключевые слова: русская философия, Семен Людвигович Франк, революция, интеллигенция, радикализм, либеральный консерватизм, эмиграция

Крупнейший русский мыслитель Семен Людвигович Франк (1877–1950), 140-летие которого отмечалось в январе 2017 г., начинал свой сложный интеллектуальный путь, как известно, с увлечения революционным социализмом в его марксистском варианте. При внешней скромности и даже застенчивости, уже юный Семен Франк выделялся среди сверстников неуступчивостью и радикализмом суждений как в гимназии-пансионе московского Лазаревского института, так и затем на юридическом факультете Императорского Московского университета, что, естественно, создавало ему большие проблемы¹.

¹ Там же – сначала в «Лазаревке» в Армянском переулке, а затем на юридическом факультете на Моховой – учился, будучи на год младше, и мой родной дед, будущий присяжный поверенный, журналист и театровед, оставшийся после революции в Советской России, Сергей Георгиевич Кара-Мурза (1878–1956).

Лишь печальные уроки революции 1905–1907 гг. заставили Франка, как и многих других русских интеллектуалов его поколения (Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, П.Б. Струве, А.С. Изгоева, Б.А. Кистяковского), существенно пересмотреть свои взгляды, зримым результатом чего стало сотрудничество в умеренно-либеральном проекте «Вехи» (1909)². Впрочем, еще до участия в знаменитом «сборнике статей о русской интеллигенции», каждый из мыслителей «веховского» направления в русской историософии прошел свой индивидуальный путь от марксизма и позитивизма – к философскому идеализму и христианскому политическому либерализму³.

В революционном 1905-м году Семен Франк, в то время уже член либерального «Союза Освобождения»⁴ и корреспондент издававшегося П.Б. Струве сначала в Штутгарте, а затем в Париже одноименного эмигрантского журнала, пережил очередной всплеск увлечения радикализмом, на короткое время став сторонником немедленного вооруженного восстания. 5 мая (ст. ст.) 1905 г. он писал супругам Нине Александровне и Петру Бернгардовичу Струве в Париж: «Начиная с 9-го января (“Кровавого воскресенья”. – А.К.), и чем дальше, тем больше, единственным реальным и нужным делом стала подготовка вооруженного сопротивления... Одно, что осталось делать после того, как идейные средства были исчерпаны, это вести борьбу силой – в форме ли массового движения, или индивидуального террора. Все остальное несущественно или полезно лишь после того, как вырешится борьба силой»⁵. Впрочем, это право – «решать борьбу силой» – интеллигент Франк оставлял «профессионалам революции»: «Как я ни жажду политической свободы, я не смогу для нее ни убивать людей, ни звать на смерть, ни – говоря вполне откровенно – сам умереть в качестве пушечного мяса... Я как-то инстинктивно чувствую элемент безнравственности в этой деятельности, оплодотворяемой чужой кровью»⁶.

Внешне добровольное «дарование» октябрьским Манифестом Николая II гражданам России основных политических прав и свобод произвело сильнейшее впечатление на Франка, бывшего в то время в Москве и участвовавшего в учредительном съезде либеральной Конституционно-демократической партии⁷. 19 октября 1905 г. он писал супругам Струве в Париж: «За эти немногие дни произошли такие головокружительные события, мы жили так лихорадочно, что... я положительно не в состоянии опомниться. Вчера

² Вехи: Сб. ст. о русской интеллигенции. М., 1990.

³ Кара-Мурза А.А., Жукова О.А. Свобода и вера. Христианский либерализм в российской политической культуре. М., 2011.

⁴ В августе 1904 г. С.Л. Франк принял участие в нелегальном Учредительном съезде либерального «Союза Освобождения» в швейцарском городке Шафхаузен на берегу Боденского озера. Вместе с ним в работе съезда участвовали и другие будущие «веховцы»: П.Б. Струве, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Б.А. Кистяковский. В посмертном сборнике памяти Франка близкого знавшего его А.В. Карташев оставил нам портрет Франка того времени: «Франка я встретил впервые в 1904 г. в редакции “Вопросов жизни”. При редких редакционных встречах я не переставал удивляться исключительному впечатлению, которое оставляла во мне его крупная, рослая фигура. Медлителен, неповоротлив, с тихим голосом. Бесстрастен, нерезв, нешутлив. Выразительно, лучисто улыбался лишь своими большими выпуклыми глазами. Казалось: вот такой был Адам. Такова природа первых восточных людей. Что-то по природе почтенное, даже величественное» (Карташев А.В. Идеологический и церковный путь Франка // Сб. памяти Семена Людвиговича Франка. Мюнхен, 1954. С. 69).

⁵ Письма С.Л. Франка к Н.А. и П.Б. Струве (1901–1905) // Путь. Международ. филос. журн. 1992. № 1(2). С. 285.

⁶ Там же.

⁷ Первый (Учредительный) съезд Конституционно-демократической партии прошел в Москве с 12 по 18 октября 1905 г.

(Манифест был обнародован 18 октября. – А.К.) я со всей Москвой пережил день глубокого счастья. Восторг был всеобщий – в самом точном смысле слова. Никогда не мог бы я поверить, чтобы русский человек мог быть столь экспансивным, чтобы русская улица могла бы так интенсивно реагировать на политические события. Я убедился также воочию, как глубоко заложены не только в обществе, но и в народе освободительные идеи... Говорят, что казаки в манеже целовались с народом»⁸. Впрочем, констатировал в конце того же письма Франк, «всеобщий восторг и единение» оказались недолгими: «Уже сегодня наступает *Katzenjammer* (похмелье – нем.); у меня по крайней мере: на моих глазах сегодня казаки и драгуны били толпу на Мясницкой – вот и свободная Россия»⁹.

Психологическое состояние Франка, лишённого в те дни идейного водительства еще не вернувшегося из эмиграции Струве, было неустойчивым и противоречивым. С одной стороны, он прекрасно видел неоднородность «революционного лагеря», и его человеческие симпатии были полностью на стороне так называемых «правых» – умеренных либералов-конституционалистов из числа деятелей земского и городского самоуправления: «Я получил глубокое убеждение, что теперь и в нашей среде... самыми симпатичными людьми, даже с точки зрения непосредственного морального впечатления, являются не “интеллигенты”-радикалы, а земцы и провинциалы»¹⁰. Франку, как и его старшему другу Струве, уже некоторое время откровенно претила экзальтированность революционной «интеллигентщины»: «Радикализм такой публики, как адвокаты и журналисты, есть фраза и рисовка»¹¹.

С другой стороны, Франк в те решающие дни считал необходимым сохранить монолитность «революционных рядов»: «Вся страна, вся улица раскололась на два лагеря – за казаков и против них. Черная сотня и казаки на одной стороне, народ, студенты, революционеры, рабочие, общество, конституционалисты на другой. Это носится в воздухе, это вы видите, слышите, нюхаете, как только выйдете на улицу»¹². Поэтому, полагал Франк, «политическая борьба налево и даже резко подчеркнутое политическое размежевание сейчас – колоссальная ошибка»¹³.

Увлеченный радикализмом, Франк даже позволил себе тогда упрекнуть «оторвавшегося от родины» Струве, который в эмигрантском «Освобождении» активно оппонировал «русским якобинцам». По мнению Франка, либералы смогут добиться своих целей только при опоре на народную революцию: «Т<ак> к<ак> размежевание принципиальное должно быть основано на признании философского либерализма, то если его произвести, вся партия не наберет и двух десятков людей. Это печально, но это факт... Вы скажете, тем более нужно пропагандировать эти идеи и бороться с якобинством. Конечно, но только в философских рассуждениях, п<отому> ч<то> в политической борьбе с якобинством сейчас мы провалимся с позором и треском»¹⁴.

⁸ Письма С.Л. Франка к Н.А. и П.Б. Струве (1901–1905). С. 291–292.

⁹ Там же. С. 292.

¹⁰ Там же. С. 293.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 294.

¹³ Там же. С. 293.

¹⁴ Там же. С. 294. Франк, очевидно, полностью воспроизводил в те дни возобладавшую среди конституционных демократов логику лидера партии П.Н. Милюкова: «Идти соединением либеральной тактики с революционной угрозой... Врагов слева у нас нет», – см.: Кара-Мурза А.А. Интеллектуальные портреты. Очерки о русских политических мыслителях XIX–XX вв. М., 2006. С. 27–47.

Однако уже в последней декаде ноября 1905 г. временное *Katzenjammer* сменилось у Франка стойким разочарованием в революционных методах борьбы. Прямолинейный радикализм, не достигнув положительных целей, спровоцировал контрреволюцию, породив крайнюю реакцию: «После дарования Конституции в России началось что-то невообразимое: полиция, черная сотня и казаки устраивают прямо какое-то нашествие варваров и истребление огнем и мечом. Надо думать, что наверху какая-то очень сильная кучка людей таким путем подставляет подножку Витте и конституции. Вообще настроение в России самое подавленное и смутное, и с каждым днем все больше начинает казаться, что Россия верными шагами идет к анархии и настоящей междуусобной войне. Во всяком случае, борьбе еще далеко не пришел конец, и впереди ждут, вероятно, еще большие ужасы»¹⁵ (из письма к Н.А. и П.Б. Струве от 22 октября 1905 г.); «Положение сейчас очень неопределенное, настроение смутное, в воздухе как-то пахнет кровью, разгромом, шаткостью всего – и конституции, и самой монархии – никто не знает, что принесет завтрашний день – и ко всему этому несомненная полная неподготовленность всего русского общества к ответственному делу активного устройства жизни»¹⁶ (из письма к супругам Струве от 1 ноября 1905 г.).

Возвращение из-за границы амнистированного Петра Струве вернуло Франку душевное равновесие и более точное уяснение политической ситуации: «С тех пор, как приехал П.Б. (Струве. – А.К.), – писал Франк оставшейся пока с детьми во Франции Нине Струве, – я еще сильнее, чем прежде, убедился, что он единственный мыслящий у нас политик и что у всех других собственно никаких практических политических идей в голове нет. П.Б. совершенно справедливо говорит, что вместо того, чтобы вотировать разные дешевые резолюции о недоверии и требовать учредительного собрания, конституционалисты должны были поставить ряд условий Витте и на этих условиях обеспечить ему поддержку. Витте несомненно пошел бы на это, т. к. он беспомощен»¹⁷. Вслед за Струве, Франк оказался на правом фланге кадетской партии, представители которого (В.А. Маклаков, М.В. Челноков и др.) оппонировали «милоковцам» и близко примыкали к «либеральным центристам» из других политических организаций: графу П.А. Гейдену, М.А. Стаховичу, М.М. Ковалевскому, князю Е.Н. Трубецкому и др.¹⁸.

Согласно «прозревшему» Франку, уникальная историческая возможность обрести искомую политическую свободу была упущена в России не столько по вине правительства, сколько из-за неадекватности самого «общества» – «из-за лени и инертности правых (в данном контексте – “умеренных”. – А.К.) и самомнения и доктринерства левых»¹⁹. «Я с грустью констатирую, – подводит итог Франк, – что интеллигенция не оказалась на высоте положения, и ради частью удобства, частью прямолинейности предала и предала Россию в самую опасную минуту»²⁰.

¹⁵ Письма С.Л. Франка к Н.А. и П.Б. Струве (1901–1905). С. 295.

¹⁶ Там же. С. 296.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Хайлова Н.Б. Либералы-центристы о проблемах партийного строительства в России в начале XX в. // Власть. 2012. № 11. С. 166–169; Жукова О.А. Национальная культура и либерализм в России (о политической философии П.Б. Струве) // Вопр. философии. 2012. № 3. С. 126–135.

¹⁹ Письма С.Л. Франка к Н.А. и П.Б. Струве (1901–1905). С. 297.

²⁰ Там же. Похоже, в те дни Франк в очередной раз оценил глубокую мысль А.И. Герцена, высказанную им в сочинении «С того берега» (этот короткий фрагмент под названием «Перед грозой. Разговор на палубе» очень любил и П.Б. Струве, да и вообще все русские либерал-консерваторы): «Вот откуда идет большая доля неустройства в нашей жизни... Мы лишнее

8 ноября 1905 г. Франк написал из Москвы новое письмо к Нине Струве в Париж, в котором впервые подробно обрисовал интеллигентский синдром «революционной левизны» – «иррационального, слепого поветрия», охватившего широкие круги русского образованного класса: «Чем больше я наблюдаю теперешнюю политическую жизнь, тем более она мне представляется в виде какого-то муравейника или улья, где вся жизнь движется не на разуме и сознательной воле, а на глубочайших и неискоренимых инстинктах, слепых побуждениях, привычках и традициях»²¹. Франк приводит при этом пример практического проявления этих «слепых стадных инстинктов», который наблюдал лично: «Я присутствовал при отвратительном зрелище стадности и трусости в союзе писателей, где все без исключения были поодиночке против забастовки... и все коллективно вотировали ей сочувствие»²². «Тут какой-то фатум, – делает печальный вывод Франк, – 50 лет все честные люди воспитывались в убеждении, что все радикальное хорошо, и теперь люди мыслящие, как только они сознают нелепость и ненужность какой-либо радикальной меры, начинают конфузиться, чувствуют себя неловко, молчат, трусят и уступают первому бесшабашному горлодеру»²³.

В этих обстоятельствах оказалось незавидным положение немногих «инакомыслящих» (к ним Франк причислял себя и своего друга Струве), которые «философски и принципиально стоят на другой почве, которые имеют собственную веру, дающую им смелость выступать против общественного мнения»: «Все “правые” (т. е. “умеренные”. – А.К.) исповедуют в сущности веру левых и только по темпераменту или тактическим соображениям не сходятся с ними. Поэтому и тактика их непринципиальная, и они постоянно делают уступки настроениям левых, – уступки, по существу недопустимые и практически ни к чему не приводящие, т. к. левых ничем не проймешь»²⁴. Вывод Франка крайне пессимистичен: «Общий разброд, общее смятение и глубокое одиночество людей, не поклоняющихся идолам и мыслящих самостоятельно, – таково наше теперешнее состояние»²⁵.

Тем не менее сразу после временного замирения революции С.Л. Франк, вслед за Струве, предпринял немало усилий по «выправлению», как им об этом казалось, интеллектуальных «вывихов» русского освободительного движения, стремясь насытить его глубокими культурными и философскими смыслами²⁶. Эта была работа публицистическая по преимуществу – в таких изданиях, как «Полярная звезда», «Политика и культура», «Русская мысль». Окончательно выкристаллизовалась и творческая «специализация» друзей-единомышленников: если Струве безусловно лидировал в актуальной поли-

требуем, лишнее жертвуем, пренебрегаем возможным и негодуем за то, что невозможное нами пренебрегает; возмущаемся против естественных условий жизни и покоряемся произвольному вздору... Мы не любим простого, мы не уважаем природу по преданию, хотим распоряжаться ею, хотим лечить заговариванием и удивляемся, что больному не лучше; физика нас оскорбляет своей независимой самобытностью, нам хочется алхимии, магии; а жизнь и природа равнодушно идут своим путем, покоряясь человеку по мере того, как он выучивается действовать их же средствами» (*Герцен А.И. С того берега // Герцен А.И. Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. М., 1975. С. 239–240*).

²¹ Письма С.Л. Франка к Н.А. и П.Б. Струве (1901–1905). С. 298–299.

²² Там же. С. 299.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 300.

²⁶ См.: *Кара-Мурза А.А. Что такое российское западничество? Размышления участника конференции // Полис. Политические исследования. 1993. № 2. С. 90–96; Жукова О.А. История русской культуры и современность // Вопр. истории. 2006. № 8. С. 105–116.*

тической аналитике, то Франк, уже «прицеливающийся» в те месяцы к магистерской диссертации по философии, все более сосредотачивался на углубленном философском анализе социальной теории и практики.

Согласно воспоминаниям самого С.Л. Франка, «эпоха неверующей юности» закончилась у него примерно к 1907 г.²⁷ Официально он принял православие, позднее, в мае 1912 г., его крестил в своем храме при Ларинской гимназии²⁸ священник Константин Агеев – один из лидеров обновленческого движения в Русской православной церкви и активный участник Санкт-Петербургского Религиозно-философского общества²⁹.

В 1907 г. в журнале «Русская мысль», редактируемом Струве, была опубликована теоретическая статья Франка «Философские предпосылки деспотизма»³⁰. В ней, отталкиваясь от запомнившейся ему удачной фразы князя Е.Н. Трубецкого в некрологе на убитого черносотенцами кадетского депутата М.Я. Герценштейна: «*понятия добра и зла заменились у нас понятиями левого и правого*»³¹, тридцатилетний Франк предпринял первую «философскую атаку» на абстрактный и, по его мнению, глубоко порочный принцип деления общественно-политической жизни на «*правое*» и «*левое*»: «Это суждение, обличающее в текущей политической жизни действие иезуитической морали, констатирует, конечно, бесспорный факт; но, к счастью или к несчастью, мотивом такого искажения нормальной и общечеловеческой нравственности является не простая разнузданность, безнравственность или ничем не оправдываемый партийный эгоизм, а нечто гораздо более глубокое и прочное – именно своеобразная нравственность, *целая специфическая моральная философия* (курсив мой. – А.К.)»³².

Эта философия, – полагает Франк, – могла бы открыто поднять перчатку, брошенную ей кн. Трубецким. Она сказала бы: «Да, понятия добра и зла тождественны с понятиями левого и правого. Ибо для нас, верующих и доподлинно знающих, что все «левое» полезно и служит для осуществления высшего блага, а все «правое» вредно ему и задерживает его осуществление, – для нас действительно нет иных мерил нравственности, кроме содействия всему «левому» и истребления всего «правого». Когда партия Бога противостоит партии сатаны, то над их спором нет никакой высшей инстанции, и все средства в этой борьбе святы и благи, раз они полезны Богу». Так рассуждал католицизм, так – открыто или молчаливо – рассуждают и современные католики демократической религии»³³.

«Против самого рассуждения нельзя ничего возразить, – продолжает Франк. – С точки зрения логики оно безупречно. Можно возражать только против его основной посылки – против отождествления какого-либо человеческого идеала, стремления с абсолютной святыней. Только признав, что человеку не дано знать сполна и целиком высшей правды, что в человеческой жизни нет непогрешимой инстанции, которая указала бы, где Бог и где сатана, – можно опровергнуть это искажение морали. Кто отверг эту основную

²⁷ Франк С.Л. Предсмертное. Воспоминания и мысли // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 44.

²⁸ Домовая церковь св. мученицы Татианы, 6-я линия Васильевского острова (теперь – здание филологического факультета Санкт-Петербургского университета).

²⁹ См.: Аляев Г.Е. Петербургский период жизни и творчества Семена Франка // Соловьевские исслед. 2015. Вып. 2(46). С. 76.

³⁰ Франк С.Л. Философские предпосылки деспотизма // Вопр. философии. 1992. № 3. С. 114–127.

³¹ Трубецкой Е.Н. Убийство М.Я. Герценштейна // Моск. еженедельник. 1906. № 19. С. 12.

³² Франк С.Л. Философские предпосылки деспотизма. С. 126.

³³ Там же.

предпосылку, тому ясно, что служение Богу всегда более или менее субъективно, всегда зависит от недостоверного человеческого понимания Бога и потому не дает человеку права игнорировать свои обязанности по отношению к людям. Эти обязанности кладут преграду не только его личным, эгоистическим побуждениям, но и его высшим стремлениям к идеалу»³⁴. Эта идея – любой деспотизм всегда паразитирует на фанатической вере в осуществимость некоего положительного идеала – станет впоследствии одной из излюбленных тем Франка-философа – как в России, так и в эмиграции»³⁵.

С 1908 г., как вспоминал позднее С.Л. Франк, «я стал систематически пополнять пробелы моего философского образования, исподволь готовясь к сдаче магистерского экзамена. Одновременно завершилась эпоха моего интеллектуального и духовного формирования; именно к этому времени я окончательно уяснил себе основы моего собственного философского мировоззрения»³⁶. Зримым воплощением этого духовного сдвига стало участие Франка в знаменитом сборнике «Вехи» (1909), авторы которого поставили своей целью выявить и развенчать философские основания «интеллигентского социализма».

Чисто теоретически, как показал в своей «веховской» статье «Этика нигилизма» Франк, в основе социалистической веры лежит «утилитаристический альтруизм» – «стремление к благу ближнего»: «Но отвлеченный идеал абсолютного счастья в отдаленном будущем убивает конкретное нравственное отношение человека к человеку... Социалист – не альтруист... он любит уже не живых людей, а лишь свою идею – именно идею всечеловеческого счастья. Жертвуя ради этой идеи самим собой, он не колеблется приносить ей в жертву и других людей... Это чувство ненависти к врагам народа и образует конкретную и действительную психологическую основу его жизни. Так из великой любви к грядущему человечеству рождается великая ненависть к людям, страсть к устройению земного рая становится страстью к разрушению, и верующий народник-социалист становится революционером»³⁷.

Подводя итоги своему анализу, Франк в «Этике нигилизма» определил русского радикального интеллигента как «воинствующего монаха нигилистической религии земного благополучия».³⁸ «Если в таком сочетании признаков содержатся противоречия, – замечает Франк, – то это – живые противоречия интеллигентской души. Прежде всего, интеллигент и по настроению, и по складу жизни – монах. Он сторонится реальности, бежит от мира, живет вне подлинной исторической бытовой жизни, в мире призраков, мечтаний и благочестивой веры... Но, уединившись в своем монастыре, интеллигент не равнодушен к миру; наметив, из своего монастыря он хочет править миром и насадить в нем свою веру; он – воинствующий монах, монах-революционер. Все отношения интеллигенции к политике, ее фанатизм и нетерпимость, ее

³⁴ Франк С.Л. Философские предпосылки деспотизма. С. 127.

³⁵ Подробнее об этом процессе – превращении «высоких идей» в «тоталитарные идеологии» см.: Кара-Мурза А.А. Как идеи превращаются в идеологии: российский контекст // Филос. журн. 2012. № 2(9). С. 27–44.

³⁶ Франк С.Л. Воспоминания о П.Б. Струве // Франк С.Л. Непрочитанное... Ст., письма, воспоминания. М., 2001. С. 448–449.

³⁷ Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи. Сб. ст. о русской интеллигенции. М., 1990. С. 166–167. В 1980-х гг. «линию Франка» на углубленный философский анализ «мутации» эмансипаторского мышления русских радикалов в тоталитарную идеологию продолжила замечательная исследовательница «русских утопий» Виктория Атомовна Чаликова (1935–1991), к несчастью, рано ушедшая от нас, – см., напр.: Чаликова В. С Лениным в башке // Век XX и мир. 1990. № 8. С. 34–35.

³⁸ Франк С.Л. Этика нигилизма. С. 177.

непрактичность и неумелость в политической деятельности, ее невыносимая склонность к фракционным раздорам, отсутствие у нее государственного смысла – все это вытекает из монашески-религиозного ее духа, из того, что для нее политическая деятельность имеет целью не столько провести в жизнь какую-либо объективно полезную, в мирском смысле, реформу, сколько – истребить врагов веры и насильственно обратить мир в свою веру»³⁹.

Как мы знаем из мемуаров Франка, революционные события 1917 г., о большой вероятности которых он, увы, безуспешно, пророчествовал в течение целого десятилетия, стали причиной еще большего сдвига его идейно-политических позиций «вправо». При этом, в отличие от своего друга Струве, Франк с большой настороженностью воспринял уже «Февраль», хотя и попытался вместе со Струве издавать новый культурно-политический еженедельник «Русская свобода», в очередной раз ставящий задачу «победить революцию культурой»: «Это было как бы возрождением во вторую русскую революцию “Полярной звезды”, которую мы вместе (с П.Б. Струве. – А.К.) издавали одиннадцать лет до этого»⁴⁰. При этом Франк честно признавался: «У меня было тогда острое чувство бесполезности этого начинания; я говорил ему (Струве. – А.К.), что мы делаем безнадежную попытку листами “Русской свободы” заткнуть прорвавшуюся плотину огромного бушующего потока»⁴¹.

Закономерным итогом нового этапа эволюции политико-философских взглядов С.Л. Франка стало его участие в задуманном и собранном Струве сборнике «Из глубины»⁴², написанном группой «старых веховцев» и некоторых примкнувших к ним единомышленников по еще горячим следам большевистского переворота. Имя знаменитому сборнику, с большим трудом увидевшему свет, дало, как известно, название принципиальной статьи Семена Франка – «De profundis».

Основную вину за «русскую катастрофу» Франк и в 1918 г. продолжает возлагать на «разнуздавшую» массовые анархические инстинкты радикально-социалистическую интеллигенцию. Он, разумеется, признает, что «в народных массах в силу исторических причин накопился, конечно, значительный запас анархических, противогосударственных и социально-разрушительных страстей и инстинктов»⁴³. Но, с другой стороны, «в тех же массах были живы и большие силы патриотического, консервативного, духовно-здорового, объединяющего направления»⁴⁴.

«Весь ход так называемой революции, – приходит к выводу Франк, – состоял в постепенном отмирании, распылении, уходе в какую-то политически-бездейственную глущь народной души сил этого последнего порядка. Процесс этого постепенного вытеснения добра злом, света – тьмой в народной душе совершался *под планомерным и упорным воздействием руководящей революционной интеллигенции* (курсив мой. – А.К.)»⁴⁵. При всем избытке «взрывного материала», накопившегося в народе, «понадобилась полугодно-

³⁹ Франк С.Л. Этика нигилизма. С. 177–178.

⁴⁰ Франк С.Л. Воспоминания о П.Б. Струве. С. 484.

⁴¹ Там же. С. 484–485.

⁴² Из глубины. Сб. ст. о русской революции. М., 1991. Сборник редактировался П.Б. Струве, тайно приехавшим в Москву с «белого» юга России, в доме князей Гагариных на углу Поварской улицы и Мерзляковского переулка. Этот исторический дом, увы, был снесен в начале 1960-х гг. при прокладке Нового Арбата.

⁴³ Франк С.Л. De profundis // Из глубины. Сб. ст. о русской революции. М., 1991. С. 305.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

вая упорная, до иступления энергичная работа разнудывания анархических инстинктов, чтобы народ окончательно потерял совесть и здравый государственный смысл и целиком отдался во власть чистокровных, ничем уже не стесняющихся демагогов»⁴⁶. При этом, «народная страсть в своей прямолинейности, в своем чутье к действенно-волевой основе идей лишь сняла с интеллигентских лозунгов тонкий слой призрачного умствования и нравственно-беспочвенных тактических дистинкций»⁴⁷.

Анализируя причины большевистской катастрофы, Франк обратил внимание на серьезное различие влияния на общественную жизнь радикальных идей на Западе и в России. В самом деле, с одной стороны, «Россия произвела такой грандиозный и ужасный по своим последствиям эксперимент всеобщего распространения и непосредственного практического приложения социализма к жизни, который не только для нас, но, вероятно, и для всей Европы обнаружил все зло, всю внутреннюю нравственную порочность этого движения»⁴⁸. Но, с другой стороны, очевидно, что в странах Запада «социализм» сыграл все-таки иную роль, нежели в России: «На Западе социализм лишь потому не оказал разрушительного влияния и даже, наоборот, в известной мере содействовал улучшению форм жизни, укреплению ее нравственных основ, что этот социализм не только извне сдерживался могучими консервативными культурными силами, но и изнутри насквозь был ими пропитан; короче говоря, потому, что это был нечистый социализм в своем собственном существе, а всецело буржуазный, государственный, несоциалистический социализм»⁴⁹. В России же, «при отсутствии всяких внешних и внутренних преград и чужеродных примесей, при нашей склонности к логическому упрощению идей и прямолинейному выявлению их действенного существа, социализм в своем чистом виде разросся пышным, махровым цветом и в изобилии принес свои ядовитые плоды»⁵⁰.

Итак, «внешне побеждая, социализм на Западе был обезврежен и внутренне побежден ассимилирующей и воспитательной силой давней государственной, нравственной и научной культуры. У нас же, где социализм действительно победил все противодействия и стал господствующим политическим устроением интеллигенции и народных масс, его торжество с неизбежностью привело к крушению государства и к разрушению социальных связей и культурных сил, на которых зиждется государственность»⁵¹. Таким образом, делает окончательный вывод Франк, «нас погубили не просто низкие, земные, эгоистические страсти народных масс, ибо эти страсти присущи при всяких условиях большинству людей и все же сдерживаются противодействием сил религиозного, морального и культурно-общественного порядка; нас погубило именно разнудание этих страстей через прививку идейного яда социализма, искусственное накаление их до степени фанатической иступленности и одержимости и искусственная морально-правовая атмосфера, дававшая им свободу и безнаказанность»⁵². И сразу далее – излюбленная, не первый раз встречающаяся, но теперь уже отточенная Франком до афоризма, мысль: «Неприкрытое, голое зло грубых вожделений никогда

⁴⁶ Франк С.Л. De profundis. С. 305.

⁴⁷ Там же. С. 306.

⁴⁸ Там же. С. 307.

⁴⁹ Там же. С. 307–308.

⁵⁰ Там же. С. 308.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 309–310.

не может стать могущественной исторической силой; такой силой оно становится, лишь когда начинает соблазнять людей лживым обликом добра и бескорыстной идеи». ⁵³

В конце сентября 1922 г. Семен Людвигович Франк был выслан из Советской России на печально известном «философском пароходе» «Oberburgermeister Naken» (вместе с Н.А. Бердяевым, И.А. Ильиным, Б.П. Вышеславцевым, А.А. Кизеветтером, М.А. Осоргиным и др.). И в Германии, и позднее во Франции его параллельно с разработкой глубокой метафизической системы продолжает интересовать философия *политическая*, а также философия русской истории.

Свои тревоги за Россию и надежды на ее будущее «воскресение» С.Л. Франк продолжает связывать с внутренним перевоспитанием русской национальной «души». Оказавшись в Германии, он в уже в октябре 1922 г. писал своему старинному другу и единомышленнику П.Б. Струве, еще увлеченному «белой борьбой» и не оставлявшему надежды на союзников и «белый переворот», о своем неверии в «какие-либо механические меры излечения» и, напротив, о своей вере «в исцеление путем внутреннего перевоспитания в процессе самой революции, т. е. духовной реакции на длительный опыт революции» ⁵⁴. «Обывательская мечта о возвращении, на следующий день после “переворота”, потерянного рая, – иронически писал Франк, – кажется нам наивной и ложной; для нас она совершенно тождественна с обнаружившимся уже как губительное заблуждение старым убеждением, что с падением “самодержавия” добрый русский народ установит рай земной» ⁵⁵.

Вместе с тем Франк хорошо понимал, что очередной «механический переворот» неспособен решить фундаментальных российских проблем, лежащих в плоскости народной нравственности: «Существует некое органическое русское свинство, которое независимо от политической формы; и черный большевизм, который уже достаточно накопился и легко может возобладать после падения нынешней власти, будет свинством не лучшим, чем нынешний ее красный облик» ⁵⁶. С другой стороны, отмечал Франк в цитируемом письме к Струве, «процесс революции, будучи грандиозным стихийным обнаружением этого исконного “русского свинства”, т. е. духовного недуга, есть вместе с тем – таково мое глубокое убеждение, которое может тебе показаться величайшей ересью, – болезнь роста и развития русского народа, нечто аналогичное тем явлениям духовного упадка, извращения и кризиса, которые сопровождают переход от детства к зрелости в индивидуальном организме» ⁵⁷.

⁵³ Франк С.Л. De profundis. С. 310.

⁵⁴ Переписка П.Б. Струве и С.Л. Франка (1922–1925) // Вопр. философии. 1993. № 2. С. 123.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. В своих эмигрантских работах С.Л. Франк неоднократно писал и о том, что в глубинном смысле большевистская власть лишь на свой, «красный», манер воспроизводит пороки дореволюционного русского «черносотенства». Так, в «размышлениях о русской революции», опубликованных впервые в «Русской мысли» в 1923 г., он писал: «Тип старого русского администратора, презирающего всяческие сентименты и утонченности, равнодушного к праву и закону и водворяющего справедливость или воспитывающего людей попросту, с помощью палки и мордобоя, внутренне почти совпадает с типом “честного” большевистского комиссара» (Франк С.Л. Из размышлений о русской революции // Франк С.Л. По ту сторону правого и левого. Париж, 1972. С. 16).

⁵⁷ Переписка П.Б. Струве и С.Л. Франка (1922–1925). С. 123. Кстати, П.Б. Струве, похоже, несколько задетый иронией Франка, сразу же ответил на письмо друга: «Именно потому, что я сознаю “органичность” того, что произошло в России, я никакой “реакции” не боюсь. Никакая реакция, никакой “черный большевизм” не посягнет на то, на что посягнул крас-

Из эмигрантских политико-философских работ С.Л. Франка особого внимания заслуживает статья «По ту сторону “правого” и “левого”», написанная весной 1930 г. в Белграде, где Франк тогда читал двухмесячный курс лекций по приглашению все того же Струве, перебравшегося в 1928 г. из Парижа в столицу Королевства сербов, хорватов и словенцев и возглавившего там философское отделение «Русского научного института». Струве, живущий теперь в основном в Белграде, оставался соредктором издававшейся в Париже еженедельной газеты «Россия и славянство»⁵⁸, где и предложил Франку опубликовать «По ту сторону...» в нескольких газетных номерах. Франк, однако, не согласился разбивать статью – и без того весьма небольшую – на фрагменты. При посредничестве Н.А. Бердяева он отдал статью в парижский журнал-альманах «Числа», где статья и была напечатана в четвертой книжке за 1931 г.⁵⁹

Позднее сам Франк так писал об этой статье: «Я обосновывал в ней давно обдуманную и пережитую мной мысль, что перед лицом новейшего политического развития – я имел в виду коммунизм, фашизм и только что нарождавшийся тогда национал-социализм – понятия “правого” и “левого”, обычно употребляемые как некие имманентно-вечные категории политической жизни, собственно, совершенно устарели, стали беспредметными абстракциями, неадекватными актуально и подлинно существенным разногласиям между политическими направлениями»⁶⁰.

Действительно, Франк начинает свою статью с констатации того, что «еще недавно» вопрос: «что такое “правое” и “левое”? <...> был ясен для всякого политически грамотного человека»⁶¹. Для русской интеллигенции был абсолютно ясен и ответ на вопрос: «А какому из этих направлений следует сочувствовать?». По крайней мере, по мнению Франка, этот ответ «не возбуждал сомнений до 1917 и тем более до 1905 года»: «“Правое” – это реакция, угнетение народа, аракчеевщина, подавление свободы мысли и слова, произвол власти; “левое” – это освободительное движение, освященное именами декабристов, Белинского, Герцена, требования законности и уничтожения произвола, отмены цензуры и гонений на иноверцев, забота о нужде низших классов, сочувствие земству и суду присяжных, мечта о конституции»⁶². Или иначе: «“Правое” есть жестокость, формализм, человеконенавистничество, высокомерие власти; “левое” – человеколюбие, сочувствие всем “униженным и оскорбленным”, чувство достоинства человеческой личности, своей и чужой. Колебаний быть не могло; “у всякого порядочного человека сердце бьется на левой стороне”, как сказал Гейне. Ибо коротко говоря – “правое” было зло, “левое” – добро»⁶³.

Между тем, продолжает Франк, с годами, прошедшими после большевистского переворота, это ощущение ясности и определенности исчезло – «провалилось в какую-то бездну небытия, испарилось как дым», и «ныне-

ный большевизм: на хозяйственную автономию личности. Ибо основной смысл реакции, происходящей уже в России, и той, которая будет происходить и дальше, будет состоять в восстановлении хозяйственной автономии» (там же. С. 124). Очевидно, что в самом Струве «политик» и «экономист» (он был избран, как известно, академиком Российской Академии наук по специальности «экономика») всегда превалировали над «философом».

⁵⁸ Официальным редактором парижской еженедельной газеты «Россия и славянство» (1928–1933) был ближайший ученик П.Б. Струве еще по преподаванию в петербургском «Политехе», а позднее соратник по работе в Крыму у П.Н. Врангеля и затем в парижском «Возрождении» К.И. Зайцев, впоследствии – архимандрит Константин.

⁵⁹ Франк С.Л. По ту сторону «правого» и «левого» // Числа. 1930–1931. Кн. 4. С. 128–142.

⁶⁰ Франк С.Л. Биография П.Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 157–158.

⁶¹ Франк С.Л. По ту сторону «правого» и «левого». С. 128.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

шнему молодому поколению эта цельность чувств уже недоступна»: «Отчасти теперь в русской эмиграции (и отчасти и в самой России) “правое” и “левое” просто переменились местами: “левое” стало синонимом произвола, деспотизма, унижения человека, “правое” – символом стремления к достойному человеческому существованию; словом, правое стало добром, левое – злом». «За этим поворотом, – добавляет Франк, – скрывается другой, гораздо более значительный, хотя менее явственный: нарастает чувство непонятности, неадекватности, смутности самих определений “правого” и “левого”»⁶⁴.

Сам С.Л. Франк при этом признается: «В ранней молодости я был, как все русские молодые интеллигенты того времени, “крайним левым” – марксистом, социал-демократом. Потом в течений всей жизни постепенно “правел”, не дойдя, впрочем, до настоящей “правизны”, а тяготел скорее к “центру” между “правым” и “левым”... Революция 1917 года была для меня, как для всех русских людей, не утеревших совести и здравого смысла, непосредственным толчком к решительному “поправению”»⁶⁵.

По мере «духовного взросления», замечает Франк, в его сознании нарастал и другой процесс: «Сами понятия “правого” и “левого” начали становиться все более случайными, шаткими, теряли свой былой однозначный смысл; становились призрачными и неактуальными. В них ощущалось даже что-то оскорбительно-неуместное: человеку, тонущему в водовороте и пытающемуся спасти свою жизнь, не время думать, “правый” ли он или “левый”; человеку, попавшему в плен к разбойникам или сумасшедшим, не до партийной политики; человек, потерявший родину, потерял все – в том числе и ту почву, на которой он мог идти направо и налево»⁶⁶.

Некоторое время, добавляет Франк, услыша вопрос, «правый» он или «левый», он сам испытывал «странное чувство неловкости и недоумения». Однако через некоторое время, «поразмысливши над этим чувством», он пришел к убеждению, что в его «неспособности дать прямой ответ на вопрос» повинна «неопределенность» его «политического мировоззрения, а неуместность самого вопроса». «Теперь я предпочитаю, – пишет он, – вместо ответа на этот вопрос, со своей стороны спрашивать вопрошающего: “А вы сами причисляете себя к какой партии – к гвельфам или к гибеллинам?” Тогда я испытываю удовольствие привести вопрошающего в такое же замешательство, какое он причинил мне»⁶⁷.

В самом деле, рассуждает Франк, «мы привыкли употреблять слова “правый” и “левый” как понятия, которые, во-первых, имеют всем известный, точно определенный смысл и, во-вторых, в своей совокупности исчерпывают всю полноту возможных политических направлений и потому имеют всеобъемлющее значение каких-то вечных “категорий” политической мысли. Мы забываем, что эти понятия имеют лишь исторически обусловленный смысл, определенный своеобразием эпохи, в которой они возникли и действовали (или действуют), и что им рано или поздно суждено, как всем историческим течениям, исчезнуть, потерять актуальный смысл...»⁶⁸.

⁶⁴ Франк С.Л. По ту сторону «правого» и «левого». С. 128.

⁶⁵ Там же. С. 128–129. Именно на эту фразу Франка в интересующем нас номере «Чисел» обратил критическое внимание в своей рецензии в «Современных записках» известный левый литератор-эмигрант М.А. Осоргин, который отмечал, что «Числа» «дают обильнейший и самый разнообразный материал, не склонны к политиканству (немного поперхнулись на С. Франке с его обязательством поправления для “всех русских людей, не утеревших совести и здравого смысла”)» (*Осоргин Мих.* Рец.: Числа. Кн. 4. Париж, 1930–1931 // *Соврем. зап.* 1931. № 46. С. 508).

⁶⁶ Франк С.Л. По ту сторону «правого» и «левого». С. 129.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. С. 129–130.

Франк отмечает, что если брать понятия «правого» и «левого» «в совершенно формальном и общем смысле», то «можно разуметь под ними “консерватизм” и “реформаторство” в общесоциологическом смысле – с одной стороны, склонность охранять, беречь уже существующее, старое, привычное, и, с другой стороны, противоположное стремление к новизне, к общественным преобразованиям, к преодолению старого новым»⁶⁹.

Но даже в этом случае, гораздо более логичным, по мнению Франка, «было бы не двучленное, а трехчленное деление»: «Наряду со “староверами” и “реформаторами” должны найти себе место и те, кто сочетает обе тенденции, кто стремится к обновлению именно через его реформу, через приспособление его к новым условиям и потребностям жизни»⁷⁰. При этом, подчеркивает Франк, «такое не “правое” и не “левое”, а как бы “центральное” направление совсем не есть, как часто у нас склонны думать, какое-то эклектическое сочетание обоих первых направлений; оно качественно отличается от них тем, что, в противоположность им, его пафос есть идея полноты, примирения. Практически крайне важно, что различие в этом смысле между “правым” и “левым” *менее существенно*, чем различие между *умеренностью* и *радикализмом* (все равно – “правым” или “левым”) (курсив С. Франка. – А.К.)»⁷¹.

Мысль, высказанная Франком в белградской статье, разумеется, не нова. Еще в XIX в. о безусловном наличии самостоятельного, «срединного», «либерально-консервативного» направления общественной мысли говорили Н.М. Карамзин и кн. П.А. Вяземский (например, оценивая интеллектуальную позицию А.С. Пушкина)⁷², а вслед за ними и Б.Н. Чичерин, который сам себя аттестовал как «консервативного либерала». В XX столетии «классиком» «либерального консерватизма» можно считать старшего друга С.Л. Франка – П.Б. Струве.⁷³

Заслугой Франка в данном случае является развернутая констатация того, что «радикализм справа» и «радикализм слева» в своей сущности чрезвычайно схожи: «Сохранение наперекор жизни, во что бы то ни стало старого и стремление во что бы то ни стало переделать все заново сходны в том, что *оба не считаются с органической непрерывностью развития*, присущей всякой жизни, и потому вынуждены и *хотят действовать принуждением, насильственно* (курсив мой. – А.К.) – все равно насильственной ли ломкой или насильственным “замораживанием”. И всяческому такому, “правому” или “левому”, радикализму противостоит политическое умонастроение, которое знает, что насилие и принуждение может быть в политике только подсобным средством, но не может заменить собою естественного, органического, почвенного бытия»⁷⁴.

В статье «По ту сторону “правого” и “левого”» С.Л. Франк вернулся, таким образом, к уже не раз высказанной ранее мысли об *изоморфности*, взаимопроницаемости и взаимопревращении различных («разноцветных») видов тоталитаризма: «Замечательно также, что “черносотенство” (в обычном смысле), будучи доселе в каком-то отношении политическим антиподом “красного”, практически весьма часто обнаруживает свое духовное

⁶⁹ Франк С.Л. По ту сторону «правого» и «левого». С. 130.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

⁷² См.: Кара-Мурза А.А. Тяжба о Карамзине: юбилейные заметки // *Вопр. философии*. 2016. № 12. С. 106–110.

⁷³ См.: Кара-Мурза А.А. «Концепция личной годности» П.Б. Струве: этапы развития // *Полит. концептология: журн. метадисциплинар. исслед.* 2014. № 2. С. 157–181.

⁷⁴ Франк С.Л. По ту сторону «правого» и «левого». С. 130.

сродство с последним и близость к нему (как и обратно). Административный состав большевистской власти, преимущественно армии и полиции, был создан при существенном участии “черносотенства”. Лица “черного” образа мыслей, при всей непривычности для них некоторых “красных” идей, чувствуют часто некоторое эстетическое и духовное сродство с “красным” стилем и относительно легко с ним сживаются и его усваивают (связующим звеном здесь является господство грубого насилия в управлении и момент демагогии)»⁷⁵.

В этом контексте Франк высказывает ряд плодотворных социологических соображений относительно современной ему большевистской России: «Прежнему типичному частному приставу и исправнику или некультурному армейскому офицеру демократического происхождения неизмеримо легче приспособиться к советским порядкам и найти применение своим старым навыкам, чем профессору-либералу и даже чем культурному революционеру. В подлинной черни различие между “черным” и “красным” вообще становится почти неуловимым. Толпа, участвовавшая в былые времена в еврейских погромах и еще в 1915 году устроившая в Москве по мнимонациональным мотивам немецкий погром, есть та самая толпа, которая совершила большевистский переворот, громила помещиков и “буржуев”. С другой стороны, антисемитизм, эта традиционная черта “правого” умонастроения, стал, по достоверным известиям, общим достоянием коммунистической среды, и в особенности ее “левого” крыла. Типично “черный” национализм есть вообще характерная черта русского коммунизма, выражающаяся в его ненависти к “буржуазной” Европе»⁷⁶.

Прямым философским последователем Семена Франка, открыто деклариовавшим по отношению к нему свою преемственность, стал в отечественной культуре философ и религиовед Григорий Соломонович Померанц (1918–2013). В своей ранней, еще самиздатовской, работе «Проблема Воланда» он так прокомментировал основную идею статьи Франка «По ту сторону правого и левого»: «Не лучше ли отказаться от двоичной классификации? И Франк предлагает троичную. Белыми он называет либералов, сторонников самодержавия – черными, социалистов красными. Гражданская война описывается в этих терминах как коалиция белых и черных против красных. Но все коалиции неустойчивы, и возможны другие сочетания, например черносотенского с красногвардейским (пережив 1949 год, я охнул от восторга: какое предвидение!)»⁷⁷.

В самом начале 1990-х гг., в своей, пока заочной, интеллектуальной полемике с радикальным антикоммунистом (еще эмигрантом) А.И. Солженицыным, «умеренный», в духе Семена Франка, либерал Г.С. Померанц писал: «Где-то в большом, сложном, запутанном мире коммунисты так же вдохновляются борьбой со злом, как антикоммунисты. И антикоммунисты так же стерженеют, так же сатанеют от своего антикоммунизма, как коммунисты от своего антиимпериализма, антифашизма и т. п. И нельзя преодолеть зло, не избавившись от всех “анти”, от захлеба борьбы. “Антипалач” несет в себе заряд остервенения, который завтра породит нового палача. Нужно не “анти”, нужно “а”, т. е. “не” (ненасилие, недвойственность; с “не” начинаются многие превосходные идеи, с “анти” – ни одна)»⁷⁸.

⁷⁵ Франк С.Л. По ту сторону «правого» и «левого». С. 138.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Померанц Г.С. Проблема Воланда // Померанц Г.С. Выход из трансa. М., 1995. С. 149–150.

⁷⁸ Померанц Г. Сон о справедливом возмездии (Мой затянувшийся спор) // Век XX и мир. 1990. № 11. С. 39.

Выход из этого фатального противостояния («или-или»), по мнению Померанца, один – отказ от бинарного мышления: «При двоичном мышлении – решает цвет... При троичном важнее оттенки»⁷⁹. Опираясь на новую, более богатую «символическую картину», представленную в эмигрантских работах С.Л. Франка, Померанц, мудрец и фронтовик, заявляет о своей собственной интеллектуальной идентичности: «Я могу сказать, что предпочитаю светлые тона, а розовое или голубое мне все равно; лишь бы не темное, лишь бы не крайность революции и контрреволюции. Разумеется, бывает положение, когда светлого выбора нет вовсе. Тогда приходится воевать за Сталина, чтобы не победил Гитлер. В рукопашной схватке жизненная задача сводится к “или – или”. Здесь справедлива бинарная логика (кто не с нами, тот против нас). Но и сражаясь, можно внутренне стоять выше сражения. И с этой внутренней высоты... видеть, как меняются оттенки партийных знамен. Как (на больших перегонах истории) то революция, то контрреволюция, то правое, то левое становятся относительным благом (светлеют, белеют) и как вчерашнее светлое темнеет»⁸⁰.

Мне думается, что Померанц, большой друг Института философии РАН, неоднократно выступавший на наших конференциях, посвященных «судьбам России», очень точно обозначил собственную родословную. Его ближайшим предшественником в отечественной культуре, несомненно, был Семен Людвигович Франк, который всю жизнь считал, что «существо человека лежит в его свободе»⁸¹, и следовал принципу, сформулированному им еще в момент перехода от марксизма, с его «классовой логикой», к христианскому либерализму, ставящему во главу угла примат индивидуальной, творческой личности: «Никакое счастье, никакое прочное устройство жизни невозможно при порабощении личности, этого творца всякого общественного прогресса...»⁸².

Список литературы

Аляев Г.Е. Петербургский период жизни и творчества Семена Франка // Соловьевские исследования. 2015. Вып. 2 (46). С. 65–84.

Веги. Сборник статей о русской интеллигенции. М.: Новости, 1990. 216 с.

Герцен А.И. С того берега // Герцен А.И. Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. М.: Правда, 1975. С. 223–354.

Жукова О.А. История русской культуры и современность // Вопросы истории. 2006. № 8. С. 105–116.

Жукова О.А. Национальная культура и либерализм в России (о политической философии П.Б. Струве) // Вопросы философии. 2012. № 3. С. 126–135.

Из глубины. Сборник статей о русской революции. М.: Новости, 1991. 344 с.

Кантор В.К. Семен Людвигович Франк: «Существо человека лежит в его свободе...» // Российский либерализм: идеи и люди / Под. общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М.: Новое издательство, 2007. С. 853–863.

Кара-Мурза А.А. Интеллектуальные портреты. Очерки о русских политических мыслителях XIX–XX вв. М.: Институт философии РАН, 2006. 180 с.

Кара-Мурза А.А. Как идеи превращаются в идеологии: российский контекст // Философский журнал. 2012. № 2 (9). С. 27–44.

⁷⁹ Померанц Г.С. Проблема Воланда. С. 150.

⁸⁰ Там же. С. 151.

⁸¹ См.: Кантор В.К. Семен Людвигович Франк: «Существо человека лежит в его свободе...» // Российский либерализм: идеи и люди. М., 2007. С. 853–863.

⁸² Франк С.Л. Государство и личность (по поводу 40-летия судебных уставов Александра II) // Новый путь. 1904. № 11. Ноябрь. С. 317.

Кара-Мурза А.А. «Концепция личной годности» П.Б. Струве: этапы развития // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2014. № 2. С. 157–181.

Кара-Мурза А.А. Тяжба о Карамзине: юбилейные заметки // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 106–110.

Кара-Мурза А.А. Что такое российское западничество? Размышления участника конференции // Полис. Политические исследования. 1993. № 2. С. 90–96.

Кара-Мурза А.А., Жукова О.А. Свобода и вера. Христианский либерализм в российской политической культуре. М.: Институт философии РАН, 2011. 184 с.

Карташев А.В. Идеологический и церковный путь Франка // Сборник памяти Семена Людвиговича Франка / Под ред. прот. о. Василия Зеньковского. Мюнхен: Б.и., 1954. С. 67–70.

Осоргин Мих. Рец.: Числа. Кн. 4. Париж, 1930–1931 // Современные записки. 1931. № 46. С. 505–508.

Переписка П.Б. Струве и С.Л. Франка (1922–1925) / Публ. М.А. Колерова и Ф. Буббайера // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 115–139.

Письма С.Л. Франка к Н.А. и П.Б. Струве (1901–1905) / Публ. М.А. Колерова // Путь. Международный философский журнал. 1992. № 1(2). С. 280–290.

Померанц Г.С. Проблема Воланда // *Померанц Г.С.* Выход из транс. М.: Юрист, 1995. С. 140–160.

Померанц Г.С. Сон о справедливом возмездии (Мой затянувшийся спор) // Век XX и мир. 1990. № 11. С. 35–45.

Трубецкой Е.Н. Убийство М.Я. Герценштейна // Московский еженедельник. 1906. № 19. С. 10–13.

Франк С.Л. Биография П.Б. Струве. Нью-Йорк: Изд-во Чехова, 1956. 237 с.

Франк С.Л. Воспоминания о П.Б. Струве // *Франк С.Л.* Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания. М.: Московская школа политических исследований, 2001. С. 394–582.

Франк С.Л. Государство и личность (по поводу 40-летия судебных уставов Александра II // Новый путь. 1904. № 11. Ноябрь. С. 308–317.

Франк С.Л. По ту сторону «правого» и «левого» // Числа. 1930–1931. Кн. 4. С. 128–142.

Франк С.Л. По ту сторону правого и левого. Париж: YMCA-Press, 1972. 242 с.

Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. 738 с.

Франк С.Л. Философские предпосылки деспотизма // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 114–127.

Хайлова Н.Б. Либералы-центристы о проблемах партийного строительства в России в начале XX в. // Власть. 2012. № 11. С. 166–169.

Чаликова В.А. С Лениным в башке // Век XX и мир. 1990. № 8. С. 33–39.

Critique of revolutionary consciousness in the work of Semyon Frank (140th anniversary of Frank's birth)

Alexey A. Kara-Murza

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: a-kara-murza@yandex.ru

In this paper, the author traces down the evolution of social and political ideas of the eminent Russian philosopher of the 20th century Semyon Ludvigovich Frank (1877–1950). As a young man, Frank had been an adherent of the Marxist variety of radical socialism; only the events of 1905–1907 led him, as well as other young intellectuals of his generation, such as Berdyaev, Bulgakov, Struve, Isgoev, Kistyakovski and others, to abandoning Marxism and positivism first for moderate Christian liberalism and then eventually for liberal conservatism. The immediate effect of the first Russian revolution on Frank was that

he became member of the Constitutional Democratic Party and took part in 1909 collection of essays *Vekhi* ('Landmarks'). The article, further on, contains a detailed analysis of the most important among Frank's writings in political philosophy, mainly intended to debunk the ideology of Russian revolutionary intelligentsia, such as *Philosophical prerequisites of Despotism* (1907), *The Ethics of Nihilism* (Frank's contribution to *Vekhi*, 1909), *De profundis* (an essay from the homonymous collection of 1918), and the emigrant publication *Beyond the Left and the Right* (1930).

Keywords: Russian philosophy, Semyon Frank, revolution, intelligentsia, radicalism, liberal conservatism, emigration

References

Alyayev, G. "Peterburgskii period zhizni i tvorchestva Semena Franka" [The Petersburg period of life and creativity of Semyon Frank], *Solov'evskie issledovaniya*, 2015, No. 2(46), pp. 65–84. (In Russian)

Chalikova, V. "S Leninyim v bashke" [With Lenin in the Head], *Vek XX i mir*, 1990, No. 8, pp. 33–39. (In Russian)

Frank, S. *Biografiya P.B. Struve* [P.B. Struve: A Biography]. New York: Chekhov Publ., 1956. 237 pp. (In Russian)

Frank, S. "Filosofskie predposylki despotizma" [Philosophical preconditions of despotism], *Voprosy filosofii*, 1992, No. 3, pp. 114–127. (In Russian)

Frank, S. "Gosudarstvo i lichnost' (po povodu 40-letiya sudebnykh ustavov Aleksandra II)" [State and Personality (About the 40th anniversary of the judicial charters of Alexander II)], *Novyi put'*, 1904, No. 11, pp. 308–317. (In Russian)

Frank, S. "Po tu storonu 'pravogo' i 'levogo'" [On the other side of 'right' and 'left'], *Chisla*, 1930–1931, No. 4, pp. 128–142. (In Russian)

Frank, S. *Po tu storonu pravogo i levogo* [On the other side of right and left]. Paris: YMCA-Press, 1972. 242 pp. (In Russian)

Frank, S. "Vospominaniya o P.B. Struve" [Memories on P.B. Struve], in: S. Frank, *Neprochitannoe... Stat'i, pis'ma, vospominaniya* [Unread... Articles, letters, memories]. Moscow: Moscow School of Political Studies Publ, 2001, pp. 394–582. (In Russian)

Frank, S. *Russkoe mirovzrenie* [Russian worldview]. St.Petersburg: Nauka Publ., 1996. 738 pp. (In Russian)

Gerzen, A.I. "S togo berega" [From the other side], in: A. Gerzen, *Sobranie sochinenii* [Collected works], Vol. 3. Moscow: Pravda Publ., 1975, pp. 223–354. (In Russian)

Iz glubiny. Sbornik statei o russkoi revolyutsii [From the depths. A collection of articles on the Russian revolution]. Moscow: Novosti Publ., 1991. 344 pp. (In Russian)

Kantor, V. "Semen Lyudvigovich Frank: 'Sushchestvo cheloveka lezhit v ego svobodě...'" [Semyon Ludvigovitch Frank: 'The essence of man lies in his freedom...'], *Rossiiskii liberalizm: idei i lyudi* [Russian liberalism: ideas and people], ed. by A. Kara-Murza. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ, 2007, pp. 853–863. (In Russian)

Kara-Murza, A. "'Kontseptsiya lichnoi godnosti' P.B. Struve: etapy razvitiya" ['The concept of personality' of P.B. Struve: stages of development], *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy*, 2014, No. 2, pp. 157–181. (In Russian)

Kara-Murza, A. "Chto takoe rossiiskoe zapadnichestvo? Razmyshleniya uchastnika konferentsii" [What is Russian Westernism? Reflections of the participant of a conference], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 1993, No. 2, pp. 90–96. (In Russian)

Kara-Murza, A. "Kak idei prevrashchayutsya v ideologii: rossiiskii kontekst" [How ideas turn into ideologies: the Russian context], *Filosofskii zhurnal*, 2012, No. 2(9), pp. 27–44. (In Russian)

Kara-Murza, A. "Tyazhba o Karamzine: yubileinye zametki" [Litigation Karamzin: anniversary notes], *Voprosy filosofii*, 2016, No. 12, pp. 106–110. (In Russian)

Kara-Murza, A. *Intellektual'nye portrety. Ocherki o russkikh politicheskikh myslitelyakh XIX–XX vv.* [Intellectual portraits. Essays about Russian political thinkers of the XIX–XX centuries]. Moscow: Institute of Philosophy RAS Publ, 2006. 180 pp. (In Russian)

Kara-Murza, A. & Zhukova, O. *Svoboda i vera. Khristianskii liberalizm v rossiiskoi politicheskoi kul'ture* [Freedom and faith. Christian liberalism In Russian political culture]. Moscow: Institute of Philosophy RAS Publ, 2011. 184 pp. (In Russian)

Kartashev, A. "Ideologicheskii i tserkovnyi put' Franka" [The ideological and ecclesiastical way of Frank], *Sbornik pamyati Semena Lyudvigovicha Franka* [The Collection of memory of Simyon Lyudvigovich Frank], ed. by V. Zen'kovskii. München, 1954, pp. 67–70. (In Russian)

Khailova, N. "Liberaly-tsentristy o problemakh partiinogo stroitel'stva v Rossii v nachale XX v." [Liberal-centrists about the problems of party building in Russia in the early XX century], *Vlast'*, 2012, No. 11, pp. 166–169. (In Russian)

Kolerov, M. (ed.) "Pis'ma S.L. Franka k N.A. i P.B. Struve (1901–1905)" [Letters of S.L. Frank and P.B. Struve (1901–1905)], *Put' . Mezhdunarodnyi filosofskii zhurnal*, 1992, No. 1(2), pp. 280–290. (In Russian)

Kolerov, M. & Boobbyer, Ph. (eds.) "Perepiska P.B. Struve i S.L. Franka (1922–1925)" [P.B. Struve's Correspondence with S.L. Frank (1922–1925)], *Voprosy filosofii*, 1993, No. 2, pp. 115–139. (In Russian)

Osorgin, M. "Review: Chisla. No. 4. Paris, 1930–1931", *Sovremennye zapiski*, 1931, No. 46, pp. 505–508. (In Russian)

Pomerantz, G. "Problema Volanda" [The problem of Woland], in: G. Pomerantz, *Vykhod iz transa* [Out of trance]. Moscow: Yurist Publ., 1995, pp. 140–160. (In Russian)

Pomerantz, G. "Son o spravedlivom vozmezdii (Moi zatyanutvshiiisya spor)" [Dream of fair retribution (My long-running argument)], *Vek XX i mir*, 1990, No. 11, pp. 35–45. (In Russian)

Trubetskoy, E. "Ubiistvo M.Ya. Gertsenshteina" [The murder of M. Ya Herzenstein], *Moskovskii ezhenedel'nik*, 1906, No. 19, pp. 10–13. (In Russian)

Vekhi. Sbornik statei o russkoi intelligentsii [Vekhi. Collection of articles about the Russian intelligentsia]. Moscow: Novosti Publ., 1990. 216 pp. (In Russian)

Zhukova, O. "Istoriya russkoi kul'tury i sovremennost'" [The history of Russian culture and modernity], *Voprosy istorii*, 2006, No. 8, pp. 105–116. (In Russian)

Zhukova, O. "Natsional'naya kul'tura i liberalizm v Rossii (o politicheskoi filosofii P.B. Struve)" [National culture and liberalism in Russia (on the political philosophy of P. B. Struve)], *Voprosy filosofii*, 2012, No. 3, pp. 126–135. (In Russian)